

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 81'23

«ДОМ-МОНОЛИТ ИЗ КИРПИЧА»: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО «ФЛЮСА»

А.А. Залевская

Тверской государственный университет, Тверь

Рассматривается пример возможности сочетания значений некоторых слов русского языка; делается попытка посредством метафоры смыслового «флюса» объяснить механизм взаимодействия того, что первоначально кажется несочетаемым; затрагиваются актуализируемые особенности значения слова, не всегда очевидные для слушающего / читающего, но вполне естественные для ситуации поиска смысловых опор «для себя» и / или «для других».

Ключевые слова: метафора смыслового «флюса», смысловое поле, смысловые опоры, выводное знание, единая информационная база.

В апреле 2020-го года по тверскому телевидению прошла реклама квартир в доме, который (очевидно, по убеждению инициаторов предлагаемой формулировки) представляет собой *монолит из кирпича / кирпичей*. Первая реакция на восприятие такой рекламы была вполне понятной: видимая абсурдность ситуации сочетания несочетаемого вызывала и смех, и слёзы. Поскольку попытки использовать такую формулировку и продолжить её вариации прекратились через 2–3 дня, стало понятным, что общественность немедленно отреагировала на нарушение требований к сочетаемости значений рассматриваемых слов русского языка. В то же время появилось подозрение, что всё не так просто, и сам факт подобной ситуации интересен в плане анализа *глубинных оснований* для происходящего смещения смысловых полей слов с фокусированием на одном из признаков именуемого объекта и игнорированием других признаков, не менее значимых, но в конкретном случае не актуальных и вообще не замечаемых – хотя бы в качестве возможных для реализации при некоторых обстоятельствах. Это побудило выяснить, как такое могло получиться в условиях продуцирования речи и каков прогностический потенциал подобных ситуаций как продуктов поиска подходящей номинации.

В далёкие 1980-е годы я уже обращалась к подобной ситуации в связи с проблемой перевода и предложила *метафору смыслового «флюса»*, согласно которой интересующий нас акцентуемый признак объекта (действия, состояния и т.д.) *функционально* выступает аналогично больному зубу, кроме которого у нас вроде бы нет вообще никаких других зубов (мы о них не помним и знать не хотим, всё заслоняет единственный и неповторимый виновник боли). Подобное случается в разных ситуациях, в том числе и в обыденной речи, и в ходе обсуждения научных проблем, когда собеседники ориентируются каждый на свою интерпретацию именуемого. Главное в названной метафоре – не больной зуб как таковой, а вызываемая им боль, заслоняющая всё остальное. Точно так же в сочетании несочетаемого, выходящего за пределы значений слов, про-

является некоторый *глубинный смысл*, довлеющий над происходящим процессом номинации. Это происходит, когда реализуется переход от «*речи для себя*» (когда всё понятно независимо от возможных путей и форматов воплощения речи в текст) к «*речи для других*» (когда требуется передать не только общую смысловую составляющую сообщения, но и выстраиваемые в связи с ней приоритеты). Это можно проследить на примере дома-монолита, якобы полученного из кирпичей (заметим попутно, что на самом деле монолитный дом может быть вырублен в скале, что отвечает исходному прямому значению слова *монолит*, см. дефиницию: под монолитом понимается ‘цельная каменная глыба, а также предмет, выточенный из неё’ [5: 432]). Очень важно то, что такая дефиниция реализуется в форме существительного, именующего определённое проявление сущего, но для производного слова *монолитный* следует различать: (1) прямое значение ‘являющийся монолитом’ и (2) переносное: ‘представляющий собой *цельность, сплочённый* (монолитное единство)’ [там же; выделено мною. – А.З.]. Попытаемся проследить, что могло способствовать формированию представления о монолитном доме из кирпича.

Для понимания и объяснения подобной ситуации нам нужно встать в позицию говорящего, которому требуется предложить формулировку рекламы, наверняка способную привлечь потенциальных покупателей квартир. В этом конкретном случае могли сыграть роль хотя бы следующие два обстоятельства. Во-первых, это имеющая место неразбериха при поиске в повседневной практике отдельных корпусов или строений, которые увязываются с одним и тем же адресом, но фактически расположены с нарушением логического или арифметического порядка. Конечно, соблазнительно иметь некоторый *единый комплекс*, не требующий досадных блужданий по обширной и нередко труднопроходимой территории. Это сделало ведущим смысл элемента *моно* в рассматриваемом примере при игнорировании иных признаков монолита. Во-вторых, важна общеизвестная тенденция предпочтения покупателями домов из кирпича – отсюда вытекает уточнение: *из кирпича / кирпичей*, однако последнее приводит к противоречию из-за смещения прямого и переносного значений слов *монолит, монолитный* (см. выше). Тем самым можно считать установленным, что многие из нас просто ранее не встречались с реализацией переносного значения обсуждаемого слова, в то время как его прямое значение может опираться на какой-то яркий пример встречи с некоторым мощным монолитом. Оно-то и выступило в роли единственного возможного основания для идентификации первоначального значения слова *монолит*. Заметим, что интересующее нас слово ныне стало появляться в телепередачах и в повседневной речи именно в производной форме и в переносном значении (ср. примеры: «*Первый ряд протестующих стоял как единый монолит*», «*У нас большие трудности с прополкой: подсыхающая после длительных дождей почва срастается в сплошной монолит*»; *монолитный кирпичный дом* и т.п.). Вполне естественно, что исходные признаки монолита как сущности в подобных ситуациях не фигурируют.

Обратим внимание на то, что фактически речь идёт о двух фазах процесса анализа данного примера: о *семантическом* анализе, останавливаемом на

дефиниции значения слова как искомом продукте и на связанных с ним семах (семантических примитивах и т.п.), и о *смысловом* анализе на более «глубоком» уровне, выводящем на разные форматы хранения опыта познания мира и общения в социуме с опорой на признаки и признаки признаков именуемого, когда искомым продуктом выступают *механизмы номинации*, т.е. поиска оснований в единой информационной базе человека как личности и как носителя языка и культуры – члена определённого сообщества. Таким образом, выясняется, что используемые на этапе семантического анализа дефиниции как речевые единицы выступают не конечным итогом исследования, а лишь *промежуточным средством* выхода на смысл, который отличается от вербально оформленной дефиниции, реализуемой через осознаваемое логическое рассуждение, в том числе за счёт того, что смысл *переживается* как нечто понятное / непонятное, приятное / неприятное и т.д., с опорой на образы и любые другие форматы невербального воплощения некоторого содержания за пределами значения слова. Это означает, что значение слова само по себе вовсе не «несёт», не «содержит» и т.п. некоторую информацию: оно выполняет не менее важную функцию *интерфейса* между вербальным и невербальным, социальным и личностным, явным и скрытым, в определённых пределах различающимися у носителей языка и культуры, и т.д. (особые характеристики смысла понимаются мною в логике рассуждений А.А. Потебни, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева).

Как бы то ни было, но говорящий лишь *приписывает слову* то или иное значение, отвечающее искомому смыслу, и делает это либо правильно, либо не вполне верно или ошибочно, соотнося свой личностный опыт познания и общения с коллективными приоритетами. Известно, что в некоторых случаях мы точно знаем, что нужное средство номинации уже встречалось в нашей практике, но не можем «ухватить» необходимую словоформу для «перевода» понятного нам, но не поддающегося вербализации, в понятный для других формат. Более того, иногда нам бывает достаточно только отнести некоторый объект (действие и т.д.) к интересующей нас широкой области деятельности человека, в то время как для другого случая сразу же важны детали, без которых нельзя продвигаться дальше в процесс познания / коммуникации. Такая деталь может вообще заставить полностью изменить путь и обстоятельства смыслового поиска, помочь увидеть объект в новом ракурсе, сфокусироваться на связанных с этим признаках и смысловых связях; главное состоит в том, что происходит это *параллельно по ряду направлений*. Необходимо уточнить, что процесс поиска опор для искомого смысла является не только идущим по ряду направлений, но и многоэтапным, а продукты промежуточных этапов поиска могут выходить на «табло сознания» в качестве объекта контроля правильности идущей интерпретации для самого себя и далее – для выхода во «внешнюю» речь. В любом случае механизм контроля постоянно функционирует на разных уровнях осознаваемости происходящих процессов, выстраивая широкие поля связей по разнообразным основаниям (как смысловым, так и «поверхностным»), тем самым включая именуемый объект в возможную ситуацию, отвечающую правдоподобным условиям текущего

времени. Всё это указывает на то, что пора перейти к работе с комплексами базовых «идей», из которых складывается картина мира с её индивидуально специфичными и социально обусловленными приоритетами.

Поставленная задача отвечает всё чаще высказываемому требованию своевременности поиска новых подходов в теории языка (см., например, [1; 2]). По мнению П.П. Дашинимаевой [3], особую роль при этом должна выполнить теория значимости, а О.В. Голубева фокусируется на выводном знании как базе для такого исследования. Следует уточнить: речь должна идти не о выборе одной из имеющихся теорий, например, знаковость «по Соссюру», знаковость «по Пирсу» и т.д., а о разработке комплекса принципов функционирования знака в жизнедеятельности человека с опорой на установленные факты (в том числе – указывающие на глубинные процессы выхода за пределы словарных дефиниций.).

Список литературы

1. Алпатов В.М. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: «Альпина Диджитал», 2017. 253 с.
2. Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного ун-та. 2008. 512 с.
3. Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2016, 47 с.
4. Дашинимаева П.П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Иркутск, 2010. 47 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 848 с.

“A MONOLITH BRICK BUILDING”: SOME SPECIAL FEATURES OF MEANING “ABSCCESS”

A.A. Zalevskaya
Tver State University, Tver

An example of possible meaning combinations for a few Russian words is analyzed to explain (by means of meaning “abscess” metaphor) how the coordination mechanism of something that seems incompatible works. Special features of word meaning, sometimes not evident to the listener / reader but natural to the situation of semantic bases “for myself” and / or “for the other”, are discussed.

Keywords; meaning “abscess” metaphor, semantic field, semantic bases, inferential knowledge, common information base.